

Колокольное дворянство против аристократии духа

Решение о передаче Исаакиевского собора Петербургской епархии сразу же вызвало волну нарастающего протеста жителей города и выявило несколько конфликтных ситуаций: проблематичность реституции в пользу только одной религиозной организации, несоответствие принятого решения светскому характеру российского государства и расхождение с историческими традициями, согласно которым Исаакиевский собор никогда не находился на балансе Русской православной церкви, а сооружение мемориально-демонстрационного

характера изначально не могло использоваться в качестве приходского храма.

Ключевые слова: церковь и государство, Исаакиевский собор, музейная экспозиция, индивидуальные и частные религиозные обряды, музейная экспозиция, индивидуальные и частные религиозные обряды, общественное мнение.

Елена Рыйгас

Магистр филологии, независимый исследователь

9 января 2017 года во многих изданиях появилась информация о том, что губернатор Петербурга Г. Полтавченко неожиданно решил передать Исаакиевский собор в ведение Петербургской епархии Православной церкви. На следующий день информацию подтвердил его пресс-секретарь. Возникло сразу две интриги: чем было мотивировано единоличное решение губернатора и какая участь постигнет музей «Исаакиевский собор».

На протяжении последних двух лет исполнительная власть два раза отражала атаки епархии на Исаакиевский собор. В сентябре 2015 года Г. Полтавченко ответил отказом на просьбу митрополита Петербургского и Ладужского Варсонофия передать собор епархии, сославшись на экономическую нецелесообразность такого шага; в апреле 2016-го Смольнинский суд отказался рассматривать иск предпринимателя С. Егорова, в котором тот пытался оспорить законность отказа Смольного в передаче собора Церкви. По странной иронии судьбы, решение Смольнинского суда пришлось на 4 апреля — день церковной памяти Исаакия Далматского.

В конце декабря прошлого года в социальных сетях появилась тревожная информация о необратимом намерении губернатора изменить статус собора, но при этом не приводилось никакой конкретики. Ретроспективно восстановленные события заставляют предположить, что решение о передаче собора было принято в ходе личной встречи патриарха Кирилла с губернатором Полтавченко в двадцатых числах декабря 2016 года. Отсутствие положительного в таких случаях письменного обращения патриарха указывает на достоверность этого предположения. Как только стало известно об «окончательном решении» Полтавченко, последовал взрыв негодования. Сразу же была возобновлена петиция против передачи собора, открытая в 2015 году и набравшая за две недели тогдашнего августа 85 тысяч подписей. Буквально за пять дней второй декады января уже этого года количество подписей удвоилось. В социальных сетях возникла фольклорная реакция: «А давайте Смольный отдадим благородным девицам». Кто-то посоветовал передать Петропавловскую крепость Управлению ФСИН. При этом не лишено было смысла ироничное замечание о том, что для религиозной организации, созданной Сталиным в 1943 году, логичнее было бы требовать возвращения не императорских храмов, а Мавзолея. В среду 11 января активисты движения «Весна» вывесили на колоннаде собора баннер «Не РПЦ». На следующий день участники проекта «Свидетели конституции», стоя на коленях перед собором, прочли несколько статей из Конституции. В пятницу в сквере перед Исаакием состоялся народный сход, анонсированный как встреча с депутатами: Б. Вишневым, М. Резником и А. Ковалевым. На митинг, где, впрочем, не было ни звукоусиливающей аппаратуры, ни лозунгов (кроме разве что «Pop out» и «Богородица, стяжателей прогони!»), собралось около 800-1000 человек. С противоположной стороны сквера дежурило примерно 15 членов НОДа. Те из участников, кто не мог в толпе расслышать, о чем говорили депутаты, фотографировались на фоне снеговика со снежной митрой и крестиком на макушке, слепленного детьми. По

итогах схода было принято решение о проведении 28 января митинга на Марсовом поле. Само мероприятие прошло достаточно спокойно, хотя ему предшествовали угрозы со стороны Православного союза казаков «Ирбис» «разгонять противников передачи собора жестче, чем полиция». На народный сход казаки не пришли. Позднее появилась информация, что сторонники передачи собора епархии намерены обратиться за поддержкой к чеченскому ОМОНу.

Из всех профессиональных сообществ негативную реакцию на решение губернатора сразу же высказал Союз музеев, отметив, что передача Исаакия Церкви попросту уничтожит один из самых успешных музеев России. Суть разгоревшихся в социальных сетях и СМИ дебатов по поводу Исаакия кратко сформулировал близкий к академической науке и одновременно визуальным видам искусства петербургский историк и режиссер Алексей Янковский, отметив, что «собор св. Исаакия Далматского — это важный символ российской государственности, прославляющий память Петра I, родившегося в память этого святого. Передача собора РПЦ — знаковое событие, еще больше сближающее современное российское государство и церковь, в конфликте с духом и буквой ст. 14 действующей Конституции. РПЦ не надеется содержать собор на свои средства, поэтому нельзя исключить, что эта передача не будет экономически выгодной для горожан. К негативным социальным последствиям можно отнести дальнейший рост раздражения против РПЦ среди людей».

О том, что ждет экспозицию музея и его сотрудников, 12 января рассказали на пресс-конференции в епархиальном управлении несколько ключевых фигур Московской патриархии: председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В. Легойда, глава Патриаршего совета по культуре епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов) и глава юридической службы Московской патриархии инокиня Ксения (Чернега). Первым делом выяснилось, что у Церкви есть права, а у исполнительной власти и налогоплательщиков обязанности. Церковь претендует на Исаакиевский собор как на объект религиозного назначения. Вице-губернатор М. Мокрецов пояснил, что собор передается епархии в безвозмездное пользование сроком на 49 лет. Вход в Исаакиевский собор станет бесплатным. Город будет производить реставрацию собора (из средств бюджета), а оперативное управление (оплата коммунальных расходов, зарплата сотрудникам) будет покрываться за счет прибыли от экскурсионной деятельности и пожертвований. Музейные функции при этом сохраняются: для посетителей предусматривается экскурсионное обслуживание, причем тематика экскурсий будет расширена.

Необходимость в передаче собора религиозной организации всеми ее сторонниками постоянно подчеркивается строчкой из Евангелия, находящейся на одном из фронтонов Исаакия: «Дом мой дом молитвы наречется». Именно в этом месте начинается путаница «в показаниях». Если собор непременно должен превратиться в «дом молитвы», то зачем тогда расширять экскурсионную и выставочную деятельность силами епархии, да и вообще сохранять в Исаакиевском соборе музейную

экспозицию, в том числе и посвященную блокаде? В таком случае очевидно, что епархия все же претендует именно на музей, а не на храм.

При апеллировании к религиозному назначению здания представители епархии ссылаются на его функцию в царское время, забывая при этом, что четвертая по счету постройка на месте деревянной церкви времен Петра Первого была призвана символизировать мощь Российской империи. Доминирующей функцией творения Монферана стала демонстрация статуса правящей династии Романовых, о чем свидетельствует иконостас собора с включенными туда святыми — покровителями трех императоров и членов их семей, в правление которых с переменным успехом и строился собор. В нарушении симметрии иерархических чинов иконостаса отражается упадок богословской мысли того времени. Иными словами, на тот момент богословие оказалось служанкой политики и личных амбиций царей. Во время молебнов и торжественных служб Романовы молились перед своеобразным семейным фотоальбомом, выполненным из мозаики и малахита.

Будучи включенным в число культурно-исторических памятников всемирного наследия ЮНЕСКО, Исаакиевский собор представляет собой грандиозное инженерно-техническое сооружение. Монументальная постройка на сваях, вбитых в болотистую почву, не имеет аналогов в мире. По этой причине Исаакиевский собор после того, как в 1916 году с него сняли леса, сразу стал достоянием мировой культуры. Для петербуржцев он имеет еще особое значение как убежище для оставшихся в осажденном городе музейщиков и культурных ценностей во время блокады Ленинграда. Именно поэтому собор воспринимается не только как материальная, но и как духовная ценность, в претензиях на которую музейщики вполне обоснованно отказывают случайным людям, угрожающим расправами над инакомыслящими да и просто пишущим с грамматическими ошибками.

Заверения представителей епархии в том, что они справятся как со сложным техническим сооружением, так и эпицентром туристического потока, сразу же наталкиваются на отрицательные примеры: летом прошлого года из Казанского собора были вывезены в реставрационные мастерские Государственного музея истории религии знамена и штандарты наполеоновской армии. Обратное они, скорее всего, уже не вернутся. Реставраторам предстоит несколько лет очищать их от свечной копоти. За все время функционирования Казанского собора в качестве приходского храма выросло уже целое поколение молодежи, которое никогда не прогуливалось под сводами колоннады. В какой-то момент настоятель собора Павел Красноцветов потребовал от властей обнести собор оградой. Проход к колоннаде оказался заблокированным. О том, какой урон понесла русская культура после передачи памятников архитектуры и искусства религиозным организациям, рассказывает изданная десять лет назад книга дьякона А. Мусина «Вопиющие камни». История о том, как колонны Казанского собора вместо шлифовки просто закрашивались дорогой немецкой краской, как и сотни других подобных примеров, вероятно, составят еще не один том продолжения летописи о культурном варварстве церковных деятелей.

Другой пример: Смольный собор, с момента передачи епархии которого прошло два года. Сейчас этот величественный храм обходят стороной студенты трех факультетов даже во время сессии. Полумрак внутри, безлюдье и безжизненность пространства служат наилучшим примером ошибочности решения властей изгнать из собора музейно-выставочный комплекс и передать его мифической церковной общине, судя по количеству посетителей на службах, состоящей не более чем из тридцать человек.

Разумеется, проблем с посетителями у Исаакиевского собора не будет, особенно, если вход станет бесплатным. Возникнет та же сложность, что и в Казанском соборе: нерегулируемый туристический поток, давка при входе и искаженное восприятие

внутреннего пространства по причине многолюдства, гипертрофированных книжных прилавков и низкой квалификации церковных экскурсоводов. Платный вход в музей, который так оскорбляет православных верующих, кроме финансовой нагрузки имеет еще и цель регуляции потока посетителей, поскольку одновременное многотысячное скопление людей под сводами с мозаикой и росписями может неблагоприятно отразиться на Священной истории в красках.

Претензии на Исаакиевский собор с дальнейшими планами превратить его в приходской храм свидетельствуют о достаточно короткой исторической памяти нынешних представителей Православной церкви. Издавна храмы на Руси разделялись на зимние и летние. По своей конструкции Исаакиевский собор скорее относится к «зимним» храмам, что должно было бы приниматься во внимание посетителями церковным служб, негодующих по поводу интенсивного туристического потока в летние месяцы. Будучи императорским храмом, находящимся в управлении то Министерства путей сообщения, то Министерства двора, собор в первую очередь предназначался для парадных богослужений в контексте тогдашней «парадомании», свойственной всем Романовым. Расположенный в «аристократических кварталах», как на этом усиленно делали акцент организаторы пресс-конференции в епархиальном управлении, Исаакиевский собор не мог являться тогдашним VIP-храмом по той простой причине, что в каждом дворце и особняке была своя домовая церковь. Вслед за императорской фамилией аристократы не отличались особой набожностью и посещали церковные службы лишь по праздникам и «царским дням». Сейчас в бывших аристократических кварталах, зачастую в коммуналках, проживает «аристократия духа»: музейные работники, сотрудники научных институтов, музыканты, актеры, учителя. В непосредственной же близости к Исаакию, в расселенных коммуналках, проживает другая аристократия, финансовая. Возникает вопрос: не поменяется ли отношение общества к Церкви, которая под молитвой подразумевает только свечи и обряды, а не работу по сохранению национального, хотя и религиозно маркированного, достояния? Надежды епархии на то, что деньги на содержание собора можно будет извлекать из обрядов, наряду с корыстной заинтересованностью снова обнажают скромный богословский уровень носителей этих идей. Главным таинством в христианстве (и в православии) является Евхаристия, совершаемая во время литургии. Молебны и панихиды, с которыми у многих и ассоциируется в основном религия, находятся в ранге частных (и поэтому оплачиваемых) богослужений. На нелепость служения молебнов и панихид сразу же после воскресного богослужения указывал известный петербургский проповедник протоиерей К. Пархоменко. По его мнению, индивидуальные требы искажают смысл главного события для любой церковной общины — литургии. Впрочем, в современном практике платными являются таинства крещения и венчания. Если предположить, что у простых посетителей собора еще хватит денег купить свечу или заказать молебен, то сомневаться в том, что крещение и венчание будет доступно только жителям расселенных коммуналок, не приходится. Но в этом случае Исаакиевский собор снова не сможет называться «домом молитвы». Молитва объединяет людей, главным образом, в литургии, а не разделяет их по экономическому признаку вследствие введенной тарификации на требы.

При достаточно большом количестве прихожан, заполняющих во время воскресных служб почти весь объем храма, Александрово-Невская лавра накануне своего 300-летия не смогла самостоятельно справиться даже с косметическим ремонтом стен. Положение спас глава «Газпрома» В. Миллер. Епископ Кронштадтский Назарий в одном из интервью выразил намерение открывать главный собор Лавры, Свято-Троицкий, только для воскресных богослужений, благо, что для совершения будничных служб, частных треб и таинств у Лавры есть несколько домовых храмов и надвратная церковь. Иными словами, епископ Назарий не увидел проблемы в том, чтобы пре-

дельно сократить нагрузку на архитектурный памятник авторства Старова и использовать внутреннее пространство только по торжественным случаям.

В условиях, когда на послевоенную реставрацию и организацию музейной экспозиции Исаакиевского собора были затрачены значительные материальные и интеллектуальные ресурсы, отношение исполнительных властей Петербурга к инициативам епархии должно быть взвешенным и опираться на мнение всех жителей города. Передача в собственность или безвозмездное пользование религиозно маркированных памятников архитектуры и искусства должно основываться на принципе эквивалентности: может ли современная Православная церковь создать нечто равновеликое Исаакиевскому собору или, например, недавно построенной мечети в Грозном, уже ставшей одним из чудес света? Религиозный или светский характер спорного объекта, по здравой логике, определяется простым соотношением чисел: если за год Исаакиевский собор посещает около 2,5 млн. туристов и при этом на ежедневных службах присутствует не больше 15-ти человек (как правило, одних и тех же), то речи о передаче собора религиозной организации не может быть в принципе.

При этом интересно отметить, что патриарх Кирилл, являясь всего лишь епископом Москвы (первым среди равных, но не более того), вторгается в пределы другой епархии и предопределяет участь собора, к которому он, ни по светским, ни по религиозным законам, не имеет особого отношения. Кулуарная

договоренность между губернатором и патриархом по поводу храма заставила многих предположить, что Исаакиевский собор явился подарком к 70-летию первоиерарха Русской церкви. Не исключена еще одна причина прямого обращения предстоятеля Православной церкви к высшим государственным руководителям с просьбой об изменении статуса собора. Как известно, патриархов хоронят в храмах. Алексей II был погребен в Елоховском соборе, но, по всей видимости, это последнее захоронение в стенах собора. Нынешний кафедральный собор Москвы и всей России, храм Христа-спасителя, для захоронений неудобен, поскольку в нем на несколько уровней вглубь уходят парковка, автомойка и химчистка. Вполне возможно, что после передачи Исаакиевского собора Церкви он приобретет еще и функцию усыпальницы для высших чинов Церкви. В таком случае туристический интерес к собору действительно возрастет.

Послесловие редакции

Споры вокруг проблемы передачи Исаакиевского собора РПЦ не утихают, общественное мнение Петербурга расколото. В публикуемом тексте Е. Рыйгас приводятся серьезные аргументы противников передачи храма в ведение церкви. Редакция журнала готова опубликовать текст и сторонников передачи Исаакиевского собора Петербургской епархии с целью представления аргументов обеих сторон конфликта.